

Отзыв

официального оппонента, доктора исторических наук, доцента Бакаевой Эльзы Петровны на диссертацию Терентьева Владислава Игоревича «Формирование и развитие этнического самосознания западных монголов в конце XIX – начале XXI века», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология

Представленное исследование посвящено малоизученной в монголоведении теме формирования и развития этнического самосознания западных монголов. Научная значимость заявленной темы диссертации определена необходимостью теоретического изучения вопросов этнической и гражданской идентичности в полиэтническом обществе, а также привлечения данных исследования при разработке программ государственной национальной политики и направлений региональной зарубежной и международной политики.

Актуальность предпринятого исследования заключается в выявлении факторов формирования и развития этнического самосознания этнических групп меньшинства в государстве, где имеется численно доминирующий этнос. В представлении многих людей Монголия — мононациональная страна: по данным переписи населения 2010 г. из всех граждан страны халха-монголы составляют 82,4% (2168 тыс. чел.). Вместе с тем западе страны расселены этнические общности, объединяемые понятием западные монголы и известные в истории как ойраты, предки которых в XIV в. составляли Дербен-ойратский союз, а в XVII в. явились основателями трех государств — Джунгарского и Хошутского (Кукунорского) ханств в Центральной Азии и Калмыцкого ханства в российском Поволжье. На рубеже XIX – XX вв. история и культура этих народов становилась объектом изучения ученых и путешественников. Вместе с тем специфика развития монгольского государства и общества в XX в. определила приоритетное внимание к истории и культуре этнического большинства, чему способствовало в немалой степени распространение понятия «монголы» в широком смысле (включая все монголоязычные народы), а в исследованиях, посвященных западным монголам, недостаточно разработан понятийный аппарат, что осложняет изучение их этнической идентификации и факторов формирования этнического сознания.

Объект, предмет, цель диссертационного исследования определены достаточно четко и в соответствии с темой исследования. Необходимо отметить, что выбор объекта исследования (этнических общностей западных монголов: баятов, дербетов, захчинов, мингатов, олётов, торгутов, хошутов, хотонов и алтайских урянхайцев) отражает исследовательскую позицию автора, воспринимающего термин ойраты как этноисторический и не

отражающий современную ситуацию; избрание в качестве объединяющего указанные народы термина — этнохоронима западные монголы во многом определено более широким (чем состав средневековых ойратов) составом этнических общностей, расселенных в трех западных аймаках Монголии.

Задачи, поставленные в диссертации, определены ее целью: последовательно решаются вопросы осмысления понятийного аппарата, определения состава западных монголов, выявления факторов развития этнического самосознания на протяжении достаточно длительного периода — с конца XIX по начало XXI вв. Соответственно определены хронологические рамки, внутри которых выделены три основных периода, на протяжении которых происходили разные социально-политические процессы, определившие особенности развития этнических общностей западных монголов. Вызывает некоторые возражения лишь аргументация выбора (но не сам выбор) нижней границы исследования (конец XIX в.), которая явно определена наличием доступных источников и исследований, а не «началом формирования этнического самосознания западных монголов» (с.17), которое мы бы на основании ряда других источников отнесли к более раннему периоду.

Теоретическая база основана на комплексном подходе. Диссертант обосновывает свой выбор, сочетающий примордиалистский и конструктивистский подходы к исследованию.

Источниковая база исследования солидна. Автор выделяет письменные, вещественные и фонетические источники, в том числе собственные полевые материалы, собиравшиеся в течение ряда лет во время четырёх экспедиций в Западную Монголию (Баян-Ульгийский, Кобдоский и Убсунурский аймаки) в 2008–2011 гг. и в период прохождения стажировки на базе Монгольского национального университета (в г. Улан-Батор, 2013–2015 гг.) — экспедиционных выездов в Селенгинский (сентябрь 2013 г.) и Кобдоский (июль 2014 г.) аймаки. Достаточно репрезентативно выглядит характеристика письменных источников, включающих разнообразные их виды, в основном, отражающие социально-политические процессы и этнокультурное развитие в Западной Монголии на протяжении исследуемого периода. Вместе с тем, при характеристике летописей, кроме «Сокровенного сказания монголов» и «Сборника летописей» Рашид ад-дина, указаны четыре памятника, исследовавшиеся В. П. Санчировым и опубликованные им полностью или частично на русском языке, но не упомянуты имеющие также важное значение для этнической истории ойратов «История Хо-Орлюка», «Родословная торгутских ханов и князей» («Происхождение торгутов») и «История (происхождение) элётских князей», доступные на монгольском языке благодаря современным публикациям; можно было бы шире использовать материалы монгольской периодической печати, а также использовать в качестве источника публикации о Ю.Цэдэнбале, образ которого в современной западной Монголии является одним из значимых символов. Кроме того, организацией «Тод номын гэрэл» («Свет “ясного

письма'») выпускается серия *Biblioteca Oiratica*, публикации в которой представляют интерес для ойратоведов.

Структура диссертации, состоящей из введения, четырех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, а также двух приложений, отражает исследовательские задачи автора и позволяет диссертанту последовательно решать проблемы и вопросы, поставленные в работе.

Исследование, предпринятое В.И.Терентьевым, отличается широтой источниковой базы, разнообразием привлекаемого к анализу материала, знанием и умелым использованием научных публикаций и письменных источников разного характера, комплексным подходом. При проведении анализа автор учитывает такие методы государственной институционализации этничности, как письменную фиксацию этнической принадлежности, «национальную политику», территориализацию этничности, перепись населения, а также этнические классификации, этнокартографирование, роль музеев в конструировании национальной идентичности, и т.д.

Как справедливо отмечает диссертант, современное понятие западные монголы — более широкое, чем конкретно-историческое понятие «ойраты». «Словосочетания, аналогичные фразе «этнос ойратов», в отношении современных западных монголов применяют авторы-неспециалисты, крайне плохо знакомые с реальной этнографической ситуацией в регионе и с состоянием этнического самосознания этих народов (с. 45–46). Обоснованным также считаем использование в работе понятия «этническая общность» без определения таксономического уровня, так как использование разными авторами в отношении западных монголов терминов этнос, субэтнос, этнические группы, этнографические группы, племена, народы либо народности вносит дополнительные сложности при изучении избранной темы.

Диссертант свободно оперирует фактами и источниками, приводит обоснованные мнения, точные собственные наблюдения. Автор выявляет разноаспектные факторы, влиявшие на состояние этнической идентичности западных монголов на разных этапах исследуемого периода. Каждая из глав диссертации представляет интерес прежде всего привлекаемым материалом и выводами, сделанными на основе солидных источников, и демонстрирует высокий уровень исследования. Именно потому предпринятое исследование позволяет поставить некоторые проблемы, которые требуют дальнейшего обсуждения и решения, и приводит к возможности диалога с автором диссертации.

В. И. Терентьев выносит на защиту пять положений, в которых последовательно формулирует выводы о специфике состояния этнической идентичности у западных монголов на разных этапах хронологического периода, избранного к анализу.

В отношении временного отрезка конца XIX – начала XX вв. диссертант делает вывод об отсутствии «четких представлений о границах

своей общности», выражаемом «в неопределенном соотношении себя с конкретным этнонимом у части западных монголов», что «свидетельствует о размытости их этнического самосознания» (с. 26) и о продолжении процессов формирования самосознания «в условиях специфической организации административно-территориального деления Кобдоского округа, отсутствия активной китайской колонизации Внешней Монголии до начала XX в. и под воздействием внутренних факторов». Вместе с тем приводимые в соответствующем разделе второй главы материалы свидетельствуют, на наш взгляд, о разнообразии этнической идентичности, ее многоуровневости и наличии экзо- и эндоэтнонимов. Фиксация у западных монголов в наши дни компонентов культуры, выступающих в качестве этнических маркеров, свидетельствует о том, что они представляли в качестве таковых и столетие назад: речь идет о таких маркерах, как буддийский текст воскурения дербетскому нутуку¹ и нутуку левого крыла дербетов (на тибетском и ойратском языках); гимне торгутскому нутуку² (соответственно речь следует вести лишь об относительной актуализации представлений о родных кочевьях в более поздний период), и др. Следовало бы отметить, что в обществе «самобытность» западных монголов и «непохожесть» на халха-монголов (с. 26) особое значение имела и в свете исторической памяти об имевших место монголо-ойратских междоусобицах и даже конфликтах.

Вполне обоснованы выводы диссертанта о разнонаправленных процессах в обществе в период 1924–1990 гг., когда, с одной стороны, благодаря целенаправленной национальной политике происходили процессы формирования единой монгольской нации, а с другой — укреплялась и этническая идентичность «бага ястан» («малых народов»), сведения о которых фиксировались в официальных документах.

На обширных материалах, прежде всего собственных полевых и материалах широкой печати, автор показывает трансформационные процессы в монгольском обществе в 1990-е гг. — начале XXI в., отмечая влияние этнической мобилизации, роль этнических стереотипов, способов возрождения имени Чингис-хана и реставрации образов имперского прошлого, общенационального образа «Другого», музейных экспозиций и попыток реформирования графики монгольского языка.

Обоснованными также являются положения о многокомпонентном характере этнического самосознания современных западных монголов и ситуативном характере их этнического самосознания. В качестве аргументов приводятся интересные материалы и наблюдения, собранные в период проведения собственных полевых исследований.

¹ См., например, статью Орловой К.В. К исследованию этнических маркеров дербетов Монголии: текст воскурения «духам-хозяевам» кочевий // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. Сб. науч. трудов. Вып. 3. Элиста: КИГИ РАН, 2015. С.79–95

² См.: Бакаева Э.П. «Нутук»: к вопросу о понятии «кочевье» и территории расселения ойратов (на материалах фольклора) // Монголоведение. Вып. 5. Элиста, КИГИ РАН, 2011. С. 41–52.

Вместе с тем использование отдельных терминов вызывает возражения. Так, речь в диссертации идет об этническом самосознании ряда народов (или этнических общностей) в целом, без выделения каждой из общностей отдельно. Т.е. речь идет практически о территориальной идентичности. Но территориальный компонент рассматривается в вариантах, с выделением «регионального, аймачного, ландшафтного» аспектов. Можно понять, что под ландшафтным вариантом территориальной идентичности подразумевается малая территория, кочевье. Однако, на наш взгляд, термин, применимый к другим этническим общностям, не вполне удачен при изучении монгольской действительности: нутук — не только кочевье, но прежде всего родина, не только территории, но и прежде всего все пространство, охраняемое духами-хозяевами родной территории. Для монгольских кочевников весьма важным аспектом является восприятие кочевья, родины через духов-хозяев, в числе которых могут почитаться и предки (к примеру, божество Белый старец Цаган аав у ойратов почитается и в качестве хозяина Алтая, и в качестве предка, а у калмыков это божество почитается как хозяин пространства и покровитель народа). Соответственно, в верном выводе диссертанта о том, что «главным структурообразующим компонентом этнического самосознания современных западных монголов является ландшафтный компонент, базирующийся на представлении о «родных кочевьях» (с.27) мы бы изъяли слово «ландшафтный» как не вполне соответствующий понятию нутук (монг. нутаг) (landshaft — прежде всего, вид местности).

О предлагаемой автором таксономической классификации уровней идентичности. В работе этнический компонент связывается с этнотерриториальным уровнем идентичности (западные монголы), так как диссертант не рассматривает отдельно каждый народ и его этническую идентичность (это тема специальной большой работы, ведь у каждого этноса — в терминологии В.И.Терентьева, каждой этнической общности или западномонгольского народа, также имеют место разные уровни идентичности, прежде всего родовой). Соответственно, ойратский компонент (ойраты — это этнокультурная и этноисторическая общность) не может представляться в качестве субэтнического (о субэтноте какого этноса может идти речь, если ойраты — понятие объединительное?). Следует также учитывать наличие этнонима *өөрд-моңһл* (монг. *ойрад-монгол*, т.е. ойрат-монгол), который активно используется в практике, особенно среди ойратов СУАР КНР. Так, весьма распространенным среди ойрат-монголов КНР является буддийский письменный памятник «*Өөрдин нутгин санг*» (Воскурение нутуку ойратов).

В целом необходимо отметить, что на исследовательские материалы влияет и различное понимание самими представителями монголов терминов, обозначающих этничность на монгольском языке (имеются мнения, что термином *ундэстэн* обозначается гражданская монгольская идентичность, термином *ястан* — этническая идентичность или *ундэстэн* — нация, а *ястан* — народность). Так в период проведения полевой экспедиции в Убсунурском

аймаке в 2015 г. группой исследователей были опрошены информанты, в основном, дербеты. Опрос показал, что 71,66% указали, что они *дөрвөд үндэстэн*, 9,7% — *байт үндэстэн*. Встретились также другие указания идентичности: дербеты-ойраты, западные монголы-ойраты, западный монгол-дербет, ойрат-монгол. Итого группа из опрошенных 92% не соотносила себя с *монгол үндэстэн*, т.е. для них на первом месте стояла этническая идентичность, под которой понимается либо «*ястан*», либо «*ястан*+территориальная идентичность», либо этнокультурная идентичность «ойраты-монголы». В использовании наименования конкретных народов *үндэстэн*, вероятно, проявляется распространенное мнение о более высоком статусе данного понятия, в отличие от *ястан*, в бытовом сознании воспринимаемом как «пережиток прошлого». Так наряду с конструируемой «халха-центристской» моделью нации на западе страны по-прежнему сохраняется этническая идентичность среди западных монголов, которые считают себя потомками ойратского населения Джунгарского ханства (1635–1758 гг.

Возвращаясь к диссертационному исследованию В.И.Терентьева, следует отметить, что, помимо вынесенных на защиту положений, текст диссертации содержит целый ряд выводов, составляющих научную новизну исследования. Работа многоаспектна, посвящена сложной и малоразработанной теме; в ней поставлены многие вопросы, требующие дальнейшего исследования. Важным вкладом в изучение вопросов этнической идентичности является и разработка вопросов роли этнографической науки Монголии в вопросах нациестроительства.

Отметим также и некоторые спорные моменты. Так, при обосновании методики исследования отмечается, что примордиалистский подход использовался в изучении процессов конца XIX – начала XX в. исходя из характера и качества источников, а при исследовании социалистического периода и современности используется конструктивистский подход, включающий в себя инструменталистский. Соглашаясь с возможностью сочетания разных подходов к анализу источников, отметим, что вопрос вызывает разделение подходов по принципу хронологии источников. Скорее необходимость применения примордиалистского подхода стоит связывать с особенностями идентификации монголов, для которых важным самоопределяющим признаком служит принадлежность к роду, родословная. Но при этом П.О.Рыкин³ показал, что и к средневековым источникам применим конструктивистский подход.

В тексте диссертации встречаются неточности. Так, на с. 52 отмечается, что «современные торгуты являются потомками местных («старых») торгутов и «новых», прикочевавших во главе с Убаши-ханом

³ Рыкин П. О. Этническая идентичность средневековых монголов как политический конструкт: опыт анализа источников // Сибирь в контексте русской модели колонизации (XVII – начало XX в.). СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 248–296.

обратно с Волги на территорию империи Цин в 1771 г. [Дорджиева, 2002]». Но в приводимых сведениях Е.В.Дорджиевой речь идет о калмыках, соответственно, под «местными» или «старыми» подразумеваются калмыки-торгуты, прибывшие в Прикаспий в XVII в., а под «новыми» — прикочевавшие после разгрома Джунгарского ханства в Поволжье. Большинство же торгутов сомона Булган составляют потомки так называвшихся «новых» торгутов, которые были расселены далее, чем «старые» (приволжские) торгуты. Здесь же диссертант предполагает, что сведения В.Т.Тепкеева о 25–30 тыс. чел. касаются торгутов СУАР КНР и Монголии. Но в СУАР КНР численность торгутов гораздо больше (ойратское население оценивается примерно в 170 тыс. чел.)⁴. Неточным является также упоминание о том, что В.Т.Тепкеев обобщил в работе 2013 года основные версии происхождения этнонима торгут: такая работа проделана В.П.Санчиловым в статье, опубликованной гораздо ранее⁵. На с. 44–45 диссертант отмечает, что тувинцы Монголии и алтайцы России не имеют никакого отношения к современным западным монголам. В этой связи отметим, что этноним *туба туха* имеет отношение к тувинцам и так называли алтайских урянхайцев; кличем калмыков-цатанов является словосочетание «тула тоха», а с алтайцами западных монголов связывают общие рода и этнокультурные компоненты.

Представляется не вполне правильным определение «воспоминания торговца А.В. Бурдукова» при упоминании работы «В старой и новой Монголии»: хотя Алексей Васильевич Бурдуков и занимался торговлей в Западной Монголии, где он и ныне почитаем местным населением, он известен в науке как незаурядный исследователь-монголовед, член РГО, доцент Ленинградского государственного университета, автор ряда научных трудов, оставивший последователям ценный архив.

Кроме того, несмотря на имеющееся в работе обоснование выбора наименования города Кобдо /Ховд (с.71), представляется все-таки более верным использовать устоявшуюся в русскоязычной литературе форму топонима, как и названия Убсунурского аймака, именуемого монголами Увс аймак.

Отмеченные вопросы и отдельные выявленные в диссертации недочеты никоим образом не влияют на высокую оценку проведенного диссертантом исследования — нового, самостоятельного, основанного на широком и разнообразном круге источников и литературы. В ряде отмеченных моментов возражения оппонента определены его позицией по анализируемым вопросам. Возможность проведения дискуссий по темам, исследуемым диссертантом, показывает актуальность, новизну, недостаточную

⁴ Очирова Н.Г., Бембеев Е.В. Современное демографическое и социально-политическое положение ойратов Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. №4.

⁵ Санчилов В.П. О происхождении этнонима торгут и народа, носившего это название // Монголо-бурятские этнонимы. Улан-Удэ, 1996. С. 31–50.

изученность поставленных в работе проблем, а также профессионализм автора.

Диссертационная работа Терентьева В.И. — самостоятельное и законченное исследование. Автор выполнил его на высоком уровне. Материалы и выводы, полученные в работе, могут быть использованы в практическом плане — в учебных курсах для студентов и преподавателей, а также в качестве теоретической основы при разработке вопросов национальной политики.

Основные положения диссертации отражены в автореферате, а также в 24 публикациях, в том числе разделах двух коллективных монографий (общим объемом более 8 у.п.л.), 6 статьях, опубликованных журналах, включенных в перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание научных степеней доктора и кандидата наук.

Диссертационное исследование Терентьева В.И. отвечает требованиям п.9 положения о порядке присуждения ученых степеней, предъявляемым к кандидатским диссертациям по специальности 07.00.07 — этнография, этнология и антропология, а ее автор, несомненно, заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук.

Официальный оппонент доктор исторических наук (07.00.07 — этнография, этнология и антропология)	 Бакаева Эльза Петровна
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Калмыцкий институт гуманитарных исследований Российской академии наук, отдел этнологии, главный научный сотрудник. 358000, Республика Калмыкия, г.Элиста. ул. им. И.К.Илишкина. д.8	тел. +7(84722) 3-55-06. e-mail: kigiran@mail.ru 28.07.2016 г.
Подпись Бакаевой Э.П. заверяю 	 